

ИРИНА ИВАНОВНА МАТВЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент департамента филологических наук Института гуманитарных наук Московский городской педагогический университет (Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3529-3459; matv1@yandex.ru

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ САТИРА АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: ПОЭТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ КРИТИКА

А н н о т а ц и я . В творчестве Андрея Платонова 1920–1930-х годов выделяется особый сатирический пласт, связанный с изображением еды и продовольственного обеспечения, который ранее не был предметом системного анализа. Актуальность исследования обусловлена необходимостью восполнить этот пробел. Цель предлагаемой статьи – выявить новаторский характер гастрономической сатиры Платонова как целостной системы неклассического типа. Для установления ее генезиса привлекаются публицистика, поэзия, ранние тексты Платонова, пьеса «Шарманка». Рассматривается, как тема еды становится ключевым инструментом для социально-политического анализа и выражения философских взглядов писателя на суть коммунистического общества. С опорой на историко-биографический, историко-литературный, контекстуальный и интертекстуальный методы гастрономическая сатира рассматривается в связи с биографией писателя, классической сатирической традицией и культурно-идеологическим контекстом эпохи. Мотивный и сюжетный анализ реализуется в разборе гастрономических мотивов пьесы «Шарманка», которые структурируют ее сюжет и становятся основой для политической аллегории. Доказывается, что в гастрономической сатире Платонова соединились традиционные приемы комизма с диалогическим принципом слияния голоса автора и персонажей, а беспощадная социальная критика – с философской амбивалентностью и сочувствием к «маленькому человеку». Выводы подтверждают, что гастрономическая сатира писателя – это целостная художественная система неклассического типа и особая форма социальной мысли. Значение полученных результатов заключается в том, что они вводят в научный оборот новый аспект сатирического наследия Платонова и создают основу для анализа сатиры подобного типа в русской литературе XX века.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Андрей Платонов, неклассическая сатира, диалогическая сатира, пищевой код, искусственная еда, гротеск, «Шарманка»

Д л я ц и т и р о в а н и я : Матвеева И. И. Гастрономическая сатира Андрея Платонова: поэтика и социальная критика // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 80–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1338

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Андрея Платоновича Платонова (1899–1951) середины 1920-х – начала 1930-х годов воспринималось современниками как социальная сатира. Платонов действительно обладал даром остроумия, «соленой и желчной резкостью» [20: 26], умением «играть словом и образом» [18: 96]. Л. Гумилевский отмечал выраженное «сатирическое начало в этом по-чеховски деликатном и снисходительном человеке» [7: 62]. Платоновский смех мог быть и очень злым, особенно если критика касалась общественных пороков. Но в сочетании с любовным отношением к человеку труда, глубокой укорененностью в философской мысли и традиции

Серебряного века сатира писателя обрела неклассическую «архитектоническую» форму, под которой М. Бахтин понимал особые отношения автора, героя и читателя¹. Вслед за Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым и сатирик-концами Платонов пришел к диалогической концепции бытия, о чем мы писали ранее (см.: [15: 36]). Он подверг «сомнению концепцию готового мира, тождественного себе человека и истины как отвлеченной идеи» [19: 27–28]. Его героичудаки ищут истину в области экзистенциальных смыслов, а произведения демонстрируют «сочетание комического и трагического», «экзистенциальную вневременность и внепространственность» [10: 199].

Сатира Платонова диалогична в бахтинском понимании, поскольку, в отличие от монологической сатиры (где автор однозначно высмеивает объект), предполагает синкретизм объекта и субъекта, множественность голосов и разные точки зрения героев и автора. Смеховой код в платоновских произведениях не всегда опознается. Ирония автора настолько зашифрована, а границы между серьезным и комическим так стерты, что авторское высказывание нельзя трактовать однозначно. Оно получает «возможность двоякого истолкования одних и тех же исходных символов. Причем <...> в смысле самом фундаментальном – онтологическом» [12: 212]. Природу платоновской сатиры помогает понять его собственное высказывание: «Сатира – это исключительное искусство идеи и мысли»².

В последние годы гастрономическая тема все чаще становится объектом исследований. Авторы выявляют, что пищевые практики являются отражением религиозных верований народа, маркерами материального состояния, общественного статуса человека [22], определяют ценностные ориентиры эпохи [6], отражают «лингвокультурную картину мира» [5: 708], а гастрономический код «перекликается с рядом иных культурных кодов – растительным, природным, мифологическим и др.» [17: 775]. По мнению И. В. Якушевич, пища человека соотносится с основополагающими библейскими символами, связанными со «здоровьем и жизнью», «почитанием Бога», жертвой [21: 48].

Творчество Платонова с его «скудным» миром и существованием персонажей на грани жизни и смерти, казалось бы, исключает гедонистическое восприятие пищи. Говоря о работах, посвященных теме еды у писателя, следует упомянуть исследования Э. Рудаковской [16], К. Когута и Н. П. Хрящевой [13], Н. Б. Бугаковой [4], Л. И. Румянцевой и др. Исследователи К. А. Баршт и Н. И. Дужина хотя и не рассматривали тему еды у Платонова как самостоятельную теоретическую проблему, однако заложили основу для подобного исследования, связав пищевой код в творчестве Платонова с политическим контекстом [8] и фундаментальными темами жизни и смерти [1]. Особую значимость для понимания платоновской сатиры имеют наблюдения Л. В. Карасева, в трудах которого разработана концепция «онтологической поэтики» [11]. Нельзя не согласиться с автором, что за смеховыми формами в произведениях Платонова скрываются глубинные смысловые структуры. Мысль филолога

о том, что смех у писателя не комический прием, а способ философского постижения действительности, открывает перспективу для анализа его гастрономической сатиры.

Цель настоящей статьи – раскрыть специфику гастрономической сатиры Платонова как целостной художественной системы неклассического типа, для чего проследить ее генезис и эволюцию, исследовать механизмы сатирической типизации в их сочетании с автобиографической, лирической и философской составляющей.

У ИСТОКОВ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ САТИРЫ: БИОГРАФИЯ И РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО

Как инженера-практика Платонова особенно волновала продовольственная проблема. В его произведениях тема еды, преодоления голода и смерти занимает одно из центральных мест. Одна из причин – детство в небогатой многодетной семье, в которой не все младенцы выживали, а он регулярно ходил к состоятельным родственникам Лобочихиным с запиской от матери, «содержащей мольбу об одолжении одного-двух рублей» [14: 35–36].

Платонов относился к еде с бережностью. Но хлеб для него был гораздо больше, чем средство насыщения: полноценная и достаточная пища представлялась основой благосостояния народа. Однако и материальное благополучие было ценно не само по себе, а как способ достичь небывалой высоты, которую Платонов назвал «революцией духа», подразумевая под ней обретение коллективного разума, который «будет тем рычагом, каким человек приподнимет и изменит вселенную»³. Именно поэтому герои Платонова мечтают о породах животных, способных накормить все человечество, думают о создании искусственной еды. Иногда это выглядит трогательно и наивно, а иногда сопряжено с негативной сатирической оценкой.

Показательно, что писатель впервые обратился к сатире в голодный 1921 год, когда он близко соприкоснулся с трагедией Поволжья. Возможно, картины умирающих деревень всколыхнули его собственную боль – утрату брата и сестры, отравившихся грибами в 1921 году. Работая в газете «Воронежская коммуна» и выезжая в поволжские деревни в качестве журналиста, он был потрясен увиденным: «Засуха 1921 года произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление» (из автобиографии Платонова 1924 года)⁴. В это время Платонов в статьях «Коммунист! покажи, что ты коммунист», «Равенство в страдании» выступал с гуманистических позиций, призывая коммуни-

стов разделить с голодающими тяготы, отказаться от дорогих вещей ради спасения людей:

«Вот голод. И кто же, кто из нас, негодных, бьется с ним? <...> Человечество – одно дыхание, одно живое, теплое существо. Больно одному – больно всем. Умирает один – мертвеют все. <...> Распыление волжского страдания по всей России, наложение на каждого человека, от Ленина до грузчика, камня голода <...> вот что надо» (I–II: 203).

В тяжелое время ему были особенно ненавистны «разбрюзгшие на ворованных харчах» «барыни» и «солидные мужчины» – «мертвые души в советских брничках» (I–II: 169). В фельетоне «Душа человека – неприличное животное» (1921) писатель пообещал им скорую народную расправу. Но не меньшее отвращение вызывали рабочие, расхищавшие зерно и муку в голодный 1921 год. Свое негодование Платонов выразил в фельетоне с помощью сатирических образов беременных мужчин, с трудом доходящих с работы домой под тяжестью спрятанного на животе зерна (I–II: 170). Платонов понимал, что сатира в такое сложное время – опасный жанр, но подобно герою-повествователю чувствовал себя «динамитом действительности» и «радовался своей справедливости» (I–II: 168).

Если голод 1921 года вызвал в творчестве Платонова волну публицистических статей, то процессы нового районирования, коллективизация, а также сопровождавший ее голод в ряде мест – уже художественный отклик. В это время появляются такие его произведения, как «Че-Че-О» (1928), «Впрок» (1931), «Заблуждение на родине компота» <1931>, «Ювенильное море» (1932), «Шарманка» (1930–1931), «14 Красных избушек» (1933) и др., а записные книжки пестрят заметками о хлебозаготовках, животноводстве, молочно-овощных совхозах, питании в кооперативных столовых. Платонов возмущался отсутствием поддержки сельского хозяйства со стороны партии: «ЦС ничего не отвечал на самые большие вопросы крайорганизации. Безобразия! Отвечать нужно, безответственность деморализует организацию»⁵. Эта и другие записи – свидетельство того, что Платонова глубоко волновала проблема обеспечения страны продуктами питания, что он серьезно собирал материал, ставший основой его гастрономической сатиры.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ САТИРА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

Как инженер-практик и человек, имеющий опыт работы в государственных структурах, Платонов видел слабые места в руководстве сельским хозяйством. Автобиографическое начало

продиктовало его сатире диалогические отношения автора и персонажей, поэтому в повести «Город Градов» (1927) главный герой Шмаков неотделим от самого Платонова. Высмеивая попытки бюрократов списать катастрофическое состояние крестьянства на некий «недород», критикуя бесконечные совещания и бессмысленный документооборот, Платонов ни на минуту не забывал полгода, проведенные им в Тамбове в качестве заведующего подотделом мелиорации. Автобиографизм придал повести лирическое исповедальное начало, в значительной степени редуцирующее комизм.

Платонов вслед за Н. Ф. Чужаком и В. Маяковским считал литературу особым способом жизнестроения, инструментом социального проектирования, поэтому в своем сатирическом творчестве не только вел полемику с хозяйственной политикой партии, но и давал практические советы по улучшению продовольственного снабжения страны. Используя этот инструмент, Платонов в финале повести «подсказывает» способ наладить дела в сельском хозяйстве – распусть раздутый бюрократический аппарат.

В духе социального проектирования выстроен и рассказ «Усомнившийся Макар» (1929), в котором главный герой Макар Ганушкин предлагает практические решения продовольственной проблемы: провести от станционной платформы до Москвы «молочную трубу», «чтобы не гонять вагонов с пустой молочной посудой» (IV–II: 47), ускорить возведение зданий новым способом заливки строительных форм. Однако самостоятельность Макара жестко пресекается: горе-рационализатору выдаются деньги на обратный билет в деревню.

Платонов вплетает в повествование сатирические выпады, обращенные к сельскохозяйственной политике. Так, на требование местного «вождя» Чумового сделать ему жеребенка Макар ответил: «Мяса нет, а то бы я сделал» (IV–II: 44). В двусмысленном ответе Макара за наивностью скрывается намек на полуголодное существование деревни. По дороге в Москву безбилетный Макар не обиделся на требования контролера покинуть вагон, поскольку контролер ссаживал крестьянина на полустанке, где есть буфет. Макар увидел в этом заботу власти о нем, раз она «не просто гонит, а предлагает буфет» (IV–II: 44). В действительности «центр» мало заботился о крестьянском пропитании, сконцентрировавшись на снабжении городов и рабочего класса. Не случайно Макар, путешествуя по Москве и видя толпы людей с кожаными мешками под мышками (чиновничьи портфелями),

делает заключение: «Много харчей надо, чтобы питать такое телодвижение» (IV–II: 44).

Еще более крамольные мысли высказывает товарищ Макара Петр, который жалуется на то, что ему «яства хочется, а партия говорит: вперед заводы построим, – без железа хлеб растет слабо» (IV–II: 56). По мнению Петра, хорошее питание получает не народ, а чиновничество: «Иной одну мысль напишет на квитанции, – за это его с семейством целых полтора года кормят» (IV–II: 56). И вновь в финале рассказа писатель, иронически переосмысливая слова Ленина о кухарке, управляющей государством, предлагает возможный проект народного самоуправления, который, как и в повести «Город Градов», сводится к упразднению бюрократии и расширению полномочий простых людей.

Платонов считал, что продовольственную проблему страны можно решить только путем рационального хозяйствования. Так, в рассказе «Автодор⁶ в деревне Увязке» (1929), написанном как иронический ответ на кампанию дорожного строительства в деревне, Платонов «подсказывает» местным крестьянам, живущим подобно щедринским глуповцам бестолково, как преодолеть отсталость деревни и наладить в ней снабжение. Для этого следует использовать выделенные машины не для нерентабельной выработки электричества и откачки воды из колодца, а по назначению – для доставки товаров из города в деревню и из деревни в город.

В рассказе «Заблуждение на родине компота» (1931) объект сатиры – безумные способы решения продовольственной проблемы. Главным героем Журкин получил задание улучшить снабжение рабочих продуктами. Журкин представляет людей в виде котлов, «в которых горит хлеб, овощи и мясо, а постное масло идет на смазку организмов» (IV–II: 112). Упрощенное и механическое представление о человеке рождает у героя столь же примитивные способы заготовок, за что в финале он был понижен в должности.

Таким образом, сатирические произведения Платонова середины 1920-х – начала 1930-х годов становятся средством социального проектирования, где автор, с одной стороны, опирается на партийные директивы и высказывания руководителей государства, а с другой – реализует принцип проективной литературы.

САТИРИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ТЕМЫ ЕДЫ В ПЬЕСЕ «ШАРМАНКА»

Обратимся к пьесе «Шарманка» (1930–1931), в которой еда, практики ее добычи и приготовления, разговоры о еде и пищевые ритуалы

стали средством социальной и политической критики. Платонов использует здесь прием сочетания несочетаемого: библейский мотив кормления народа соединен с элементами карнавального типа и формами «площадной и балаганной народной комики» [2: 487–488]. В центре сюжета – деятельность песчано-овражного кооператива по заготовке продовольствия. Работа его председателя Игната Никаноровича Щоева столь бестолкова, что довела пайщиков до голода. Щоев следит за отчетами по заготовке продовольствия, о самом же продовольствии заботится мало, сетуя на то, что люди слишком много едят:

«Народ нынче прожорлив стал: строит какие-то кирпичные корпуса, огорожи, башни и три раза обедать хочет, а я сиди и угощай каждого! Трудно все-таки быть кооперативной системой!» (IV–II: 210).

О том, что народ в районе живет впроголодь, говорят многочисленные детали: дети, глядящие в окна кооператива, мужики, просящие хоть что-нибудь из еды: «Грыбки, Игнат Никанорович, червиветь начинают. Дозвольте скушать работникам прилавка – иль выдать массе!» (IV–II: 204). Но Щоев отказывается дать даже бросовый продукт, чтобы сохранить для отчетов видимость заготовок:

«Щоев (<...> Евсею). Это ты грыбки мучаешь второй год?

Евсей. Это не грибы, Игнат Никанорович, это соя в виде грибов, а я ее замариновать приказал... <...> люди все могут поесть, а что толку! Пускай лучше материализму побольше будет, а людей и так хватает.

Щоев (задумчиво). Ты прав на все сто с лишним процентов. (В трубу). Не трожь грибов, чертова саранча: пускай лежат в виде фонда!» (IV–II: 204).

Из диалога следует, что Щоеву важны бумаги, а не люди, число которых он вслед за английским экономистом Т. Мальтусом⁷ готов сократить ради собственного благополучия.

Платонов, разумеется, хотел видеть свои пьесы на сцене, а потому пытался сделать их «подцензурными», что «толкало писателя к необходимости их тщательной “шифровки”» [13: 22]. Охранной грамотой он сделал партийные постановления и публикации в центральных газетах, отсылки к которым неизменно включал в свои сатирические произведения. В пьесе «Шарманка» Платонов направил стрелы сатиры на кооперативную систему, которая, будучи ключевым компонентом экономики в годы нэпа, уже к середине 1920-х годов была лишена самостоятельности и подчинена плановым органам государства. Курс на коллективизацию и вовсе вынес кооперативам приговор. Они были объявлены

полукулацкими и превратились в придаток государственной системы. Высмеивая кооперативы как допустимый объект, Платонов использовал двойной код для маскировки критики продовольственной программы СССР.

Раскроем глубже объект сатиры в пьесе. Платонов обратился в ней к проблеме продовольственного кризиса, возникшего на рубеже 1920–1930-х годов. Правительство изыскивало способы накормить страну, поэтому со страниц газет звучали призывы «искать новые пищевые ресурсы» [9: 238]. Платонов видел множество способов решения продовольственной проблемы, но в то же время понимал, что бюрократизм затормозит любое полезное дело. Он обыгрывает это в первом акте, в сцене, где на кооператив буквально с неба сваливаются «альтернативные пищевые ресурсы»: стая гусей и прочих птиц и приплывший косяк рыбы. Но Щоев вместо того, чтобы заготавливать птицу и рыбу, объявляет эти сказочные дары интервенцией:

«Откуда-то эта птица-сволочь еще появилась! Так было покойно и планомерно, весь аппарат взял себе установку на организацию мясных рачьих путин, а тут эта птица мчится – заготовь ее попробуй!» (IV–II: 210).

Доводя до абсурда неспособность Щоева накормить народ, Платонов устами его помощника Евсея предлагает простой выход – вместо внеплановых заготовок мяса пальнуть по птичьей стае из пушки и таким образом «решить» проблему. Но вместо птиц пушка выстрелила в людей, с энтузиазмом перевыполнявших план. Так сцена заготовок превращается в жесткую критику кооперативов и хлебозаготовок 1928–1930-х годов и одновременно в метафору сокрушительного удара государства по потребкооперации.

Еще более жестко гастрономическая тема решена в сцене бала – испытания новых формы еды, в которой она переводится в план «материально-телесного низа» [3: 411]. Платонов и в ней не перестает быть идеологическим писателем, в комическом ключе обыгрывая кампании посева альтернативных пищевых ресурсов: конопля, маки, клещевина, соя («Правда», 1930, №№ 151, 154, 155 и др.). Но в исполнении Щоева содержание передовиц превращается в пародию, поскольку заведующий предлагает есть подножный корм:

«Мы нарвем любых злаков – мы муку из рыбы сделаем, раков вытащим из воды, птичий помет обратим в химию, суп составим из сала от мертвых костей и квас заварим из дикого меда пополам с муравьиной кислотой... <...> Мы всю природу в яство положим, всех накормим дешевым вечным веществом» (IV–II: 216).

Мотив псевдопищи создает гротескное единство карнавального смеха, политического контекста и философской мысли начала XX века. Отметим, что идея искусственной пищи в начале XX века носилась в воздухе. Еще В. Вернадский в своем труде «Научная мысль как планетное явление» предсказывал, что ученые-химики создадут пищу в обход труда крестьян, А. Гастев и В. Хлебников также размышляли об альтернативных способах питания. В романе А. А. Богданова «Красная звезда» (1908) говорится о синтезе белковых веществ, а в антиутопии Е. Замятина «Мы» внедрение искусственной еды привело к войне и гибели крестьянства. Тема псевдопищи в комическом ключе обыгрывается в рассказе Платонова «Заблуждение на родине компота» и пьесе «14 Красных избушек», где американец Стерветсен питается таблетками.

По мнению исследователей, еда и образы, связанные с ней, соотносятся как с языческими верованиями славян, так и с библейскими обрядами и символами. Актив, собравшийся для испытания «новой» пищи – шей из кустарника с дубовым салом, котлет из чернозема, вина из уксуса с махорочной крошкой, – мыслит эту странную еду как приобщение к коммунистической вере и как возможность «одновременно с преображением своего физического тела <...> приступить к одухотворению» [1: 72], к революции духа, о которой Платонов мечтал в начале своего творческого пути. Но причащение псевдопищей оборачивается бессмысленной жертвой и болезнью, которые символизируют невозможность усвоения народом подобной «еды».

Торжественность гастрономического бала подчеркивается ритуальной официальной частью – докладом Щоева, чей стиль имитирует газетные передовицы и сталинские речи⁸. Эта стилизация работает на разоблачение: сцена решена в карикатурном ключе и обнажает идеологическую пустоту ритуала. Сравним речь Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 года с выступлением Щоева:

«Сталин: Характерная черта нынешнего состояния народного хозяйства заключается в том, что мы имеем перед собой чрезмерное отставание *темпа развития* зернового хозяйства от *темпа развития* индустрии, как факт, при колоссальном росте спроса на товарный хлеб со стороны растущих городов и промышленных пунктов. <...> *необходим быстрый темп развития* нашей индустрии»⁹.

«Щоев. Ввиду же *роста темпов* аппетита масс перед нашей коопсистемой встала одна *явная необходимость* <...> преодолеть какую-то явную недооценку чего-то... Для сего нужно лишь проглотить пищу <...>. Нынче же мы должны испытать в глубине своих туло-

виш силу новой пищи, которую мы заготовили из *самотечных* природных матерьялов. Да здравствует пятилетка в четыре года» (IV–II: 219).

Речь Щоева сопровождается бурными овациями аплодирующего аппарата – сатирический выпад в адрес торжественных собраний, где аплодисменты были неотъемлемой частью сценария и нередко заранее репетировались подготовленными людьми.

Политический контекст сцены усиливается вводом в действие иностранного профессора-пищевика и его дочери Серены, приехавших в русскую глубинку, чтобы купить «ударную душу» СССР. На вечер испытания новых форм еды профессор принес собственный набор продуктов для его всестороннего изучения. Но на балу «буржуазную» еду «изучают» только Щоев и Евсей, тогда как самому профессору и его дочери приходится есть кашу из саранчи и муравьиных яичек:

«Серена. Папа! Это – саранча! Они едят вредителей. Евсей. Верно, барышня. Мы вредителей прячем в себя. Серена. Тогда вы будете вредным...» (IV–II: 220).

В двусмысленном диалоге профессорской дочери и Евсея писатель обыгрывает созданный в конце 1920-х годов миф о «вредительстве» внутренних врагов. Диалог содержит намеки на политические процессы 1929–1930 годов¹⁰, а также пародирует речи руководителей страны, в которых часто употреблялись слова «вредители» и «вредительство». Например, срыв хлебозаготовок 1928–1929 годов Сталин объяснил вредительством кулаков и специалистов. Г. К. Орджоникидзе, выступая на XVI съезде ВКП(б), привел «показания» некоторых «буржуазных специалистов», объявленных в следствии по делу Промпартии «вредителями»¹¹. В диалоге Серены и Евсея, используя прием игры слов, Платонов развенчивает политическую паранюю: мифологема «вредительство» оборачивается процессом самоотравления системы, где каждый, кто «прячет в себе вредителя», то есть ест (в подтексте: поглощает духовную пищу тотальной подозрительности), сам становится жертвой этой же системы.

Усиливая сатирический эффект, Платонов в сцене бала использовал контраст между «избранными» гостями и людьми, оставшимися за стенами кооператива, но постоянно заглядывающими в окна и просящими хоть какой-нибудь еды: «Нам хоть невкусное... Хоть мутного» (IV–II: 223). Но Щоев и его актив остаются равнодушными к просьбам народа. Успокаивая население, Евсей говорит: «Здесь ведь научный

вечер – тут мучаются из-за вас, братец ты мой» (IV–II: 224).

Постепенно радость насыщения сменяется у гостей ужасом болезни. Танцы превращаются в конвульсии страдающих от отравления людей. Стерветсен еле сдерживает позывы рвоты: «Благодарю, – говорит он. – Пища не вышла, она усвоилась вглубь» (IV–II: 224). На что Евсей отвечает, подводя итог эксперименту: «Если даже вас не вырвало, то наше население сроду не заблюет...» (IV–II: 224). Так Платонов, используя физиологические преувеличения и отказываясь от эстетических норм, показывает трагические изменения в жизни людей, которые не могут переварить «пищу» нового времени.

И все же нельзя не согласиться с Э. Рудаковской, отметившей, что в художественно-философской системе Платонова «прием пищи по своей образности выходит за рамки чистой физиологии» [16: 8]. Поглощение еды у писателя соотносимо с духовным окормлением. Щоев, предлагая гостям несъедобную пищу, таким образом подменяет духовность ее суррогатом, делает народ подопытным кроликом в преступном эксперименте.

Так с помощью гастрономических мотивов Платонов разоблачал абсурд советской системы и пренебрежительное отношение к рядовому человеку. Название пьесы, задающее образ громоздкого устаревшего музыкального инструмента, становится символом бюрократического аппарата, под чью бездуховную механическую музыку вынужденно танцуют граждане Советского государства.

Народ в пьесе вызывает скорее сочувствие (Опорных, Алеша, человек с мусорным голосом, дети). Простые люди могли бы легко решить проблему продовольствия: они с энтузиазмом ловят рыбу, заготавливают птицу, собирают грибы и ягоды. Но попытки централизовать заготовки оборачиваются своей противоположностью: бюрократизм лишает людей инициативы, делает их беспомощными, а задачу кормления народа (материального и духовного) – невыполнимой. Так с помощью гастрономических мотивов Платонов затронул болевые проблемы государства, предсказывая катастрофические последствия репрессивной аграрной политики. Соединение разных планов – конкретно-бытового, социально-политического и образного – сделало сатиру Платонова не только обличительной, но и экзистенциально-глубокой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гастрономическая сатира Платонова – это целостная художественная система и форма социальной мысли. Это сатира неклассического типа,

сочетающая критику государства и его идеологии с гуманистическим посылом. Платонов, опережая свое время, использовал в ней следующие новаторские приемы:

- множественность голосов, когда разные точки зрения сталкиваются без явного доминирования одной, в том числе авторского голоса;
- стирание грани между серьезным и ироническим высказыванием;
- карнавальность народной смеховой культуры, где высмеивание лишено прямого осуждения;
- амбивалентность образов, в которых осмеяние социального порока сочетается с сочувствием к простому человеку;
- автобиографизм и лирическая рефлексия – ироническое обращение к своим прошлым взглядам и опыту;
- «грузофикация» (термин, введенный конструктивистами) – повышенная смысловая нагрузка как на отдельные слова, так и на целые фрагменты текста;

– интертекстуальность в широком понимании термина, отсылки к широкому политическому и философскому контексту;

– отсутствие окончательных оценок и открытость интерпретации.

Своеобразие платоновской сатиры состоит не только в приведенных выше положениях, но и в том, что в ней воплощены важные идеи начала XX века. Платонов связал социальную и политическую критику с идеей жизнестроения, сделав сатиру одновременно инструментом социального воздействия и своеобразным пособием по решению продовольственной проблемы. Его гастрономическая сатира глубоко философична, поскольку связывает материальное благополучие с «революцией духа», о которой грезил поколение молодых воронежских пролеткультовцев. Еда и ее отсутствие становятся у Платонова сложными символами, обозначающими несовершенство мира, духовную пустоту и бездушное отношение власти к человеку.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ К сожалению, М. М. Бахтин в статье «Сатира» для «Литературной энциклопедии» лишь наметил некоторые черты сатиры XX века, но не дал ее развернутого изложения. Однако в труде «Проблемы поэтики Достоевского» в рамках концепции полифонического романа он сформулировал принципы диалогизма, которые могут быть соотнесены с сатирой неклассического типа.
- ² Платонов А. П. Общие размышления о сатире – по поводу, однако, частного случая // Платонов А. П. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / Сост., коммент. Н. В. Корниенко. М.: Время, 2011. С. 166.
- ³ Платонов А. П. Сочинения. Научное издание / Под ред. Н. В. Корниенко. Т. I–IV. М.: ИМЛИ РАН, 2004–2020 (Продолжающееся издание). С. 171, 194. Далее тексты цитируются по этому изданию с указанием римскими цифрами тома и через двоеточие страницы в круглых скобках.
- ⁴ Андрей Платонов. Личное дело / Сост. О. Ю. Алейников, М. В. Бычков. Воронеж: Дирекция Международного Платоновского фестиваля, 2013. С. 180.
- ⁵ Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000. С. 86.
- ⁶ Автотор – общество содействия дорожному строительству и автомобилизации СССР. Существовало в 1927–1935 годах.
- ⁷ Томас Мальтус (1766–1834) – английский экономист. В своем труде «Опыт о законе народонаселения» (1798) он высказал мысль о том, что разрыв между темпом роста населения и производством продуктов питания неизбежно ведет к бедности, голоду и социальным катаклизмам. На этом основании он считал эпидемии и войны сдерживающими положительными факторами.
- ⁸ В конце 1920-х – начале 1930-х годов заголовки газет буквально кричали о темпах развития индустрии и сельского хозяйства, пятилетке и т. д., на разные лады перепевая речь Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 года, где он критиковал самотек и требовал стойко преодолевать трудности.
- ⁹ Сталин И. В. Собрание сочинений: В 18 т. М.; Тверь, 1946–2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://grachev62.narod.ru/stalin/index.htm> (дата обращения 12.03.2026).
- ¹⁰ В 1930 году газета «Правда» освещала судебный процесс по делу «Промпартии» в ноябрьских и декабрьских номерах (№№ 324–343). Передовица о вредительстве «Вредители рабочего снабжения расстреляны» опубликована в № 265.
- ¹¹ Орджоникидзе Г. К. Вредительство в советском аппарате // Правда. 1930. № 183. С. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баршт К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2005. 480 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
4. Бугакова Н. Б. Гастрономический код ранних рассказов А. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 4 (55). С. 60–66.

5. Волошина Т. Г., Глебова Я. А. Гастрономический код как отражение лингвокультурной картины мира (на примере африканской лингвокультуры) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41, № 4. С. 707–714.
6. Вольская Н. Н. Пищевой код в русской литературе XIX века // Актуальные проблемы стилистики. 2024. № 10. С. 136–140.
7. Гумилевский Л. Судьба и жизнь // Воспоминания современников. Материалы к биографии. М.: Современный писатель, 1994. С. 52–73.
8. Дужина Н. И. Мелодии шарманки // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 5. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 514–531.
9. Дужина Н. И. Новые материалы к истории текста произведений Платонова 1930–1931 гг.: «Котлован», «Шарманка», «Ювенильное море» // Архив Платонова. Кн. 1. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 237–269.
10. Заманская В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта: Наука, 2002. 304 с.
11. Карасев Л. В. Онтологический взгляд на русскую литературу. М.: РГГУ, 1995. 102 с.
12. Карасев Л. В. Философия смеха. М.: РГГУ, 1996. 221 с.
13. Когут К., Хрящева Н. П. Поэтика драматургии А. П. Платонова конца 1930-х – начала 1950-х годов: межтекстовый диалог. СПб.: Нестор-История, 2018. 280 с.
14. Ласунский О. Г. Житель родного города: Воронежские годы А. Платонова. 1899–1926. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2007. 208 с.
15. Матвеева И. И. Неклассическая сатира А. П. Платонова: эстетические принципы, новые смыслы // Вестник МГПУ. 2020. № 3 (39). С. 35–44. DOI: 10.25688/2076-913X.2020.39.3.04
16. Рудаковская Э. Семиотика пищи в произведениях Андрея Платонова. Тарту: Tartu University Press, 2005. 179 с.
17. Селиверстова Е. И. Единицы культурного кода как выразитель авторского взгляда на мир в романе М. Степновой «Хирург» // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. № 3. С. 771–785.
18. Славин Л. Портреты и записки. М.: Сов. писатель, 1965. 255 с.
19. Федяева Т. А. Диалог и сатира. Проблемы поэтики сатиры неклассического типа. СПб.: Союз писателей России, 2013. 284 с.
20. Явич А. Думы об Андрее Платонове // Воспоминания современников. Материалы к биографии. М.: Современный писатель, 1994. С. 23–30.
21. Якушевич И. В. Пищевой код в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Русский язык в школе. 2023. № 84 (3). С. 45–57.
22. Яременко Н. Н. Синтаксис стола: гастрономический код русской культуры: Монография. М.: Рус-сайтс, 2026. 144 с.

Поступила в редакцию 30.03.2026; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026

Original article

Irina I. Matveeva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Moscow City University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3529-3459; matv1@yandex.ru

ANDREI PLATONOV'S GASTRONOMIC SATIRE: POETICS AND SOCIAL CRITICISM

Abstract. The article explores a distinctive satirical strand in Andrei Platonov's works of the 1920s–1930s associated with the depiction of food and food supply, an aspect that has not previously been subjected to systematic analysis. The relevance of the study is due to the need to fill this gap. The article is aimed at identifying the innovative nature of Platonov's gastronomic satire as an integral system of a non-classical type, drawing on his journalism, poetry, early prose, and the play *The Hurdy-Gurdy*. The article explores how the theme of food functions as a key tool for socio-political criticism and expressing the writer's philosophical vision of the essence of communist society. Employing historical-biographical, historical-literary, contextual, and intertextual methods, the study situates gastronomic satire within Platonov's biography, the classical satirical tradition, and the cultural and ideological context of the era. Motif and plot analysis is applied to the gastronomic motifs of *The Hurdy-Gurdy*, which structure the plot and serve as the foundation for political allegory. The article demonstrates that Platonov's gastronomic satire combines traditional comedy techniques with the dialogical principle of merging the author's and characters' voices, and that it couples unsparing social criticism with philosophical ambivalence and compassion for the "little man". The findings confirm that the writer's gastronomic satire constitutes an integral artistic system of a non-classical type and a distinctive form of social thought. The significance of these results lies in introducing a new dimension of Platonov's satirical heritage into scholarly discourse and in establishing a framework for analyzing satire of this type in twentieth-century Russian literature.

Key words: Andrei Platonov, non-classical satire, dialogical satire, gastronomic code, artificial food, grotesque, *The Hurdy-Gurdy*

For citation: Matveeva, I. I. Andrei Platonov's gastronomic satire: poetics and social criticism. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):80–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1338

REFERENCES

1. Barsht, K. A. Poetics of Andrei Platonov's prose. St. Petersburg, 2005. 480 p. (In Russ.)
2. Bakhtin, M. M. Issues of literature and aesthetics. Studies of various years. Moscow, 1975. 504 p. (In Russ.)
3. Bakhtin, M. M. The works of François Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. Moscow, 1990. 543 p. (In Russ.)
4. Bugakova, N. B. The gastronomic code of A. Platonov's early short stories. *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*. 2024;4(55):60–66. (In Russ.)
5. Voloshina, T. G., Glebova, Ya. A. Gastronomic code as the mean linguistic and cultural environment reflection (based on the example of African languages and cultures). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*. 2022;41(4):707–714. (In Russ.)
6. Volskaya, N. N. Food code in Russian literature of the XIX century. *Actual Problems of Stylistics*. 2024;10:136–140. (In Russ.)
7. Gumilevsky, L. Fate and life. *Memoirs of contemporaries. Materials for biography*. Moscow, 1994. P. 52–73. (In Russ.)
8. Duzhina, N. I. Hurdy-gurdy melodies. “The country of philosophers” by Andrei Platonov: *Problems of creativity*. Issue 5. Moscow, 2003. P. 514–531. (In Russ.)
9. Duzhina, N. I. New materials on the history of Andrei Platonov's texts of 1930–1931: *The Foundation Pit, The Hurdy-Gurdy*, and “A Juvenile Sea”. *Platonov's archive*. Book 1. Moscow, 2009. P. 237–269. (In Russ.)
10. Zaman'skaya, V. Existential tradition in Russian literature of the XX century. Dialogues at the turn of the century. Moscow, 2002. 304 p. (In Russ.)
11. Karasev, L. V. Ontological view of Russian Literature. Moscow, 1995. 102 p. (In Russ.)
12. Karasev, L. V. Philosophy of laughter. Moscow, 1996. 221 p. (In Russ.)
13. Kogut, K., Khryashcheva, N. P. Poetics of Andrei Platonov's dramas in the late 1930s – early 1950s: intertextual dialogue. St. Petersburg, 2018. 280 p. (In Russ.)
14. Lasunsky, O. G. A resident of his native city: Voronezh years of Andrei Platonov. 1899–1926. Voronezh, 2007. 208 p. (In Russ.)
15. Matveeva, I. I. Andrei Platonov's non-classical satire: aesthetic principles, new meanings. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2020;3(39):35–44. DOI: 10.25688/2076-913X.2020.39.3.04 (In Russ.)
16. Rudakovskaya, E. Semiotics of food in the works of Andrei Platonov. Tartu, 2005. 179 p. (In Russ.)
17. Seliverstova, E. I. Units of cultural code as exponent of the author's view of the world in M. Stepnova's novel “Surgeon”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2024;3:771–785. (In Russ.)
18. Slavin, L. Portraits and notes. Moscow, 1965. 255 p. (In Russ.)
19. Fedyaeva, T. A. Dialogue and satire. Problems of poetics of non-classical type of satire. St. Petersburg, 2013. 284 p. (In Russ.)
20. Yavich, A. Thoughts about Andrei Platonov. *Memoirs of contemporaries. Materials for biography*. Moscow, 1994. P. 23–30. (In Russ.)
21. Yakushevich, I. V. The food code in “The Master and Margarita” by M. A. Bulgakov. *Russian Language at School*. 2023;84(3):45–57. (In Russ.)
22. Yaremenko, N. N. Syntax of the table: gastronomic code of Russian culture: Monograph. Moscow, 2026. 144 p. (In Russ.)

Received: 30 March 2026; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026